

Елизавета Дворецкая

Сокровище Харальда

Трое достойных мужчин, представителей знатных европейских родов, добиваются руки и сердца старшей дочери великого князя Киевской Руси. Кого из них выберет красавица и умница Елисава: немецкого герцога, молодого властителя Норвегии или непредсказуемого в поступках отважного воина Харальда — короля викингов и викинга среди королей?

ISBN серии

ISBN 978-617-12-5600-2

9 786171 256002

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7654-3

9 786171 276543

Елизавета Дворецкая

Сокровище Харальда

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

ЛЮБОВЬ
СКВОЗЬ ВЕКА

Елизавета Дворецкая

СОКРОВИЩЕ ХАРЯЛЬДЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

В оформлении обложки использовано фото работы
Yulia Maizlish

ISBN 978-617-12-5600-2 (серия)
ISBN 978-617-12-7654-3

- © Дворецкая Е., 2019
- © DepositPhotos.com / Corey-Ford, обложка, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Рассказывали также, что Харальд — человек
роста и силы не чета прочим, и так умен,
что нет для него ничего невозможного,
всякий раз достается ему победа,
когда он сражается, а золотом так богат,
что ни один человек не видывал подобного.

*Сага о Харальде Суровом*¹

¹ Перевод А. Я. Гуревича.

Киев, 1044 год

Глава 1

От варягов одни неприятности. Обычно все три княжны Ярославны, будучи наполовину шведками, спорили с этим расхожим утверждением. Но сегодня даже сама княгиня Ингигерда молчала, не пытаясь защищать соотечественников.

Началось все с Ульва сына Рёгнвальда, который приходился княгине Ингигерде двоюродным племянником и потому занимал в варяжской дружине князя Ярослава одно из самых почетных мест. Его отец, Рёгнвальд ярл, двоюродный брат княгини, много лет правил от ее имени в городе Ладоге. Тринадцать лет назад он умер и его сменил старший сын Эйлив, а Ульв, младший, служил в Киеве. Из отрока, жаждущего славы, он давно превратился в закаленного, покрытого шрамами воина, жаждущего денег. Славы, конечно, тоже, но она у него уже была.

— Скоро кончается год, конунг! — кричал он на пиру после долгожданного окончания Четырехдесятницы¹, когда все гости были порядком пьяны. Договор наемные варяжские дружины обычно заключали весной, после прибытия из Северных Стран и перед началом походов, поэтому их «год» кончался именно в это время. — А за этот год мы почти ничего не получили, кроме нашего жалкого содержания! Кроме дружинного дома, в котором крыша течет и из щелей дует! Этот дом, должно быть, возвел еще твой отец, Вальдармар конунг, а то и дед! Мы живем там почти на головах друг

¹ Четырехдесятница — Великий Пост.

у друга, и тебе пора позаботиться о том, чтобы построить другой, попросторнее!

Сам Ульв уже много лет был женат на киевлянке и жил на собственном дворе, достаточно обширном, чтобы разместить там дружину. Произнося эту речь, он имел в виду удобства простых воинов, не настолько еще богатых и знатных, чтобы жить в отдельных домах. И товарищи встречали его слова нестройным гулом и криками одобрения. Кто же не согласится, если ему скажут, что он живет слишком скромно и получает мало денег? По крайней мере, в Киеве, где идеи христианского смирения и нестяжательства распространились еще не слишком широко, подобные слова находили в сердцах живейших отклик. И особенно в дружине варягов, прибывших в Восточные Страны за богатством и почетом.

— Отважные воины мерзнут зимой, как жалкие рабы! — поддержал Ульва Сэмунд Железное Брюхо. Этот воин получил свое прозвище после того, как однажды в драке на глазах у многих его ударили ножом в живот, но он остался цел. На самом деле у него под одеждой была кольчуга, о которой, конечно, знали далеко не все. — И в году завелось слишком много постов, когда мы едим хлеб и кашу, тьфу, а о мясе только мечтаем!

— Когда жалкий хвост селедки нам подается как великая милость Божия!

Варяги дружно зашумели, и даже кмети русской Ярославовой дружины гудели, выражая понимание и сочувствие. В эту пору славяне готовились отмечать весенние праздники в честь Ярилы, варяги — Праздник Дис, и если на это время приходился пост, в который привычная гульба и пирование не дозволялись, дружины шумно возмущались новым порядком.

— Ты еще не так стар, Сэмунд, чтобы потерять память! — заметил князь Ярослав Владимирович. Он и правда был скуповат, но свои обязательства всегда выполнял

честно. — Вы получаете дом, содержание и эйрир серебром в год, не считая доли в добыче. А в прошлом году...

— Разве мы мало приносили тебе добычи в прежние годы? — перебил его не собиравшийся сдаваться Ульв. — Ты мог бы завесить коврами весь наш дом! И если удача покинула тебя и с тобой мы не одерживаем побед, то нам придется поискать себе другого вождя!

Князь Ярослав нахмурился: он же, выходит, еще и виноват во всем! Но Ульв был пьян, как и все, кто нестройным хором его поддерживал. Ярослав, от природы легко возбудимый и гневливый, с возрастом приобрел способность сдерживать первый порыв и действовать не раньше, чем все предстоящие шаги, а также их возможные последствия будут продуманы. Его многому научили события почти тридцатилетней давности, когда он ночью перебил обидевших его новгородцев, а уже наутро, получив вести из Киева, вынужден был чуть ли не на коленях слезно умолять Новгород простить его и поддержать в борьбе с братьями.

А ведь причиной той давней ссоры стали варяги! Варяжские наемные отряды, которые порой причиняют столько неприятностей, но без которых он не мог обойтись.

Легко управлять дружиной тому, кто сам бьется в первых рядах! Иные вожди не держат под своим началом бойцов сильнее себя и живут спокойно. Варяги часто смеются между собой, что, дескать, если Ярислейв конунг последует примеру тех вождей, то в дружину ему придется набирать только хромых, слепых, одноруких и прочих увечных. Хорошо же будет воинство, со смеху можно помереть! Верные люди доносили ему об этих разговорах, но Ярослав не находил в них ничего смешного. Ему с детства не повезло со здоровьем. Среднего роста, не отличавшийся могучим сложением, он к тому же ухитрился вывихнуть правое бедро сразу, как только начал учиться ходить! Неотвязная боль в правой ноге стала чуть ли не первым его осознанным впечатлением в жизни. Ведуньи помогли, ходить он все-таки смог, но

хромота мешала во всем. Когда Владимировых сыновей начали обучать обращению с оружием, Ярослава одолевали не только старшие братья, но и младшие. Самолюбивый и раздражительный, он не терпел насмешек и лез в драку, даже зная, что победить не сумеет. И со временем привык к мысли, что к победе его приведут иные пути... Силой Ярослава стали наемные варяжские дружины. Уже будучи зрелым мужчиной, при осаде Киева печенегами он был ранен стрелой опять-таки в правое колено и с тех пор не мог обходиться без посоха.

К тому же теперь князь был не молод — как-никак заканчивался шестой десяток, — и ему приходилось смиряться с тем, что дружину, оплаченную его деньгами, водит в бой кто-то другой. И нередко этот другой пытался присвоить право ею распоряжаться. Как вот Ульв! Конечно, у Ярослава подрастали сыновья, но кто-то же должен сидеть в Новгороде и других городах. Да и не желал князь еще при жизни отдавать дружину в руки сына. Наемника, в конце концов, всегда можно прогнать... пока он не слишком обнаглел и не прогнал тебя самого. Удивительно, но иные серьезные дела порой решались, как в той детской басенке про лису и лубяную избушку зайца. Иначе как бы датчанин Рюрик захватил власть над приладожскими, а потом и приильменскими словенами и стал первым в череде русских князей?

Однако князь Ярослав Владимирович не любил варягов. Они — меч обоюдоострый: никогда не угадаешь, о какую сторону порежешься. Они дали ему возможность бороться и с собственными братьями, и с польским королем Болеславом — бороться, победить и стать одним из сильнейших государей христианского мира. Но он помнил, что его собственные предки — как по отцу, так и по матери — когда-то пришли на Волхов, Ильмень и Полоту как предводители наемной дружины. И как знать, не таятся ли в лохматой голове Ульва, за его широким, обветренным, изрезанным глубокими морщинами красным лбом замыслы стать новым Рюриком, новым Рогволодом?

Но, несмотря на все эти безрадостные мысли, лицо князя Ярослава оставалось спокойным и выражало уверенное превосходство: дескать, что взять с человека, который едва стоит на ногах!

— Сегодня, Ульв, лучшим вождем для тебя будет крепкий хороший сон! — со снисходительным сочувствием сказала княгиня Ингигерда. — И хотя ваш грид не так хорош, как палаты императора в Миклагарде, он еще вполне пригоден для того, чтобы дать приют усталым бойцам!

— Как говорится, пьяный не знает, что делает! — вздохнул Бьёрн сын Тородда, один из сотников варяжской дружины.

Князь Ярослав искоса посмотрел на него. Он знал и другую поговорку: «Что у трезвого на уме...»

Наутро после этого пира Елисава, старшая из трех дочерей Ярослава Владимировича, зашла в горницу за матерью, чтобы вместе идти в церковь. Вторая дочь, Предслава, была скорее ленива, чем благочестива, и после пиров всегда спала долго; самая младшая, двенадцатилетняя Прямыслава, еще одевалась. Перед дверью княгининой спальни боярыня Мария Держиславна, жена тысяцкого Бранемира, поднялась ей навстречу и замахала руками:

— погоди, Ярославна! Князь там. Слышно, гневается. Не ходи, погоди.

Елисава легонько отодвинула ее, подошла к двери вплотную и прислушалась. Сквозь резную дубовую дверь слов было не разобрать, но она хорошо слышала, что голос отца звучит резко и раздраженно. На людях князь Ярослав всегда сохранял невозмутимость, но перед женой не имел нужды притворяться. Княгиня Ингигерда была очень сильной женщиной, умной, гордой, властной, изобретательной и отважной. Ни в молодости, ни теперь она не пряталась за мужнину спину и в случае надобности прекрасно могла бы сама управлять любой державой. Норманны, бывавшие на Руси, потом рассказывали дома, что все важные

дела в Киеве решает королева Ингигерд и ее приближенные. Конечно, они преувеличивали, но княгиня действительно выступала первым советчиком мужа.

Сейчас она что-то отвечала Ярославу, невозмутимо и уверенно, как обычно. Она-то никогда не выходила из себя. Все дочери, да и сыновья тоже, считались с ней даже больше, чем с отцом, потому что поддержка матери всегда обещала успех. Князь Ярослав, одержавший немало побед над внешними врагами, у себя наверху, в жилых горницах, зачастую уступал жене и детям, лишь бы сохранить мир в семье. Ведь что он без своей семьи, где найдет союзников, если рассорится с ней? С молодости он хорошо помнил, какое страшное зло несут семейные раздоры: грех братоубийства, войны и разорение земли. Он не желал такой участи своим сыновьям и даже соглашался терпеть поражения на «домашних тингах», лишь бы его дети оставались дружны между собой.

Но сегодня, похоже, беседа обещала затянуться. Елисава вышла из горницы и стала спускаться в нижние сени. Она, как и отец, надеялась, что устами Ульва вчера говорил хмель, но такие разговоры, однажды возникнув, редко проходят бесследно.

Во дворе ждали несколько женщин, жен и дочерей Ярославовых бояр. Завидев старшую княжью дочь, женщины стали кланяться, поглядывая на двери сеней и ожидая прочих. Елисава кивнула своей подруге Саломее и знаком пригласила остальных следовать за собой, давая понять, что князь и княгиня сегодня к обедне не пойдут.

Возле дверей дружинного дома толпились гриди сегодняшней сотни, свободные от дозоров, и тоже ждали.

— Приветствую тебя, Эллисив! — Елисаве поклонился сотник Бьёрн, стоявший впереди кучки товарищей-варягов. Это был огромного роста, широченный в плечах, очень сильный мужчина лет тридцати пяти, с кудрявыми рыжими волосами и такой же бородой, а также невинными

и ясными голубыми глазами. Взгляд этих глаз говорил, что перед вами очаровательное и безобидное существо, но — врал. Всегда приветливый со своими друзьями, Бьёрн мог быть весьма и весьма опасен для врагов. — А Ярислейв конунг не пойдет в церковь?

— Думаю, что сегодня ему не до церкви. — Елисава улыбнулась Бьёрну. — И ты, как умный человек, понимаешь, в чем тут дело.

— Тогда позволь нам сопровождать тебя! — ответил Бьёрн. — Я правильно понимаю, что княгиня нас тоже не примет?

Женщины прислушивались к их разговору, но тот велся на северном языке, который понимали немногие. Старшую дочь князь Ярослав нарек Рогнедой, в память о своей матери, но в обиходе неожиданно прижилось ее крестильное имя, по-церковному — Иелисавефь, или Елисава, которого еще никто в роду Игоревичей не носил. Покрестильному самого Ярослава звали Георгием, и имя для старшей дочери он взял из жития своего небесного покровителя, святого Георгия, спасшего от ужасного змея царскую дочь Елисаву. Варягам, казалось бы, удобнее было звать ее Рагнгейд, как и было, собственно, настоящее имя ее бабки, однако новое имя предпочитали и в варяжской дружине. Имя Елисава в их устах звучало как Эллисив и нравилось ей даже больше. Это чудное имя принадлежало на всем свете ей одной, и в нем слышалось что-то поэтическое, таинственное, вызывающее в памяти образы древних северных богинь и дочерей легендарных властителей. Будучи внучками шведского конунга, все три княжны дочери с рождения знали северный язык как родной и благодаря матери хорошо разбирались в сагах и преданиях Севера.

Сама княгиня Ингигерда была во многом легендарной фигурой, и больше сказаний о Сигурде и Брюнхильд ее дочери любили слушать сагу о ее собственной жизни. До замужества Ингигерд дочь Олава имела свою дружину, которой

правила как хотела. К ней сватался замечательнейший человек, норвежский конунг Олав, и их брак должен был примирить две враждующие державы. Свадьбе помешала упрямая воля ее отца, Олава Шведского, который предпочел принять сватовство овдовевшего перед тем князя Ярослава. Но взаимная привязанность между Олавом Норвежским и Ингигердой пережила многие годы, и те стихи, которые Олав конунг сложил в честь бывшей возлюбленной, казались ее дочерям прекраснейшими из всех, что когда-то складывали скальды.

На холме стоял я,
Видел деву вдали,
Лошадь мчала Хлинну
Искр долины сельди.

Радости лишен я
Ликом королевы.
Лошадь — горе ярлам! —
Прочь ее умчала.

И еще один:

Зрел я древо прежде
Круглый год в убранстве
Из цветов, как ведал
Всяк в дружинах ярлов.

Но поблекла ныне
Зелень листьев в Гардах:
Под златым убором
Скрылись девы косы¹.

¹ Мое стихотворное переложение вис Олава по прозаическому переводу Т. Н. Джаксон из «Книги с Плоского острова» («Исландские королевские саги о Восточной Европе»). Хлинна искр долины сельди — королева Ингигерд (долина сельди — море, искры моря — серебро, Хлинна серебра — женщина, Хлинна — имя богини). См. также «кеннинг» в пояснительном словаре. Предпочтение отдавалось смысловой близости к оригиналу, что в данном случае важнее, нежели верность поэтической форме. (*Примеч. авт.*)

Елисава знала висы Олава на память и иногда повторяла, когда на сердце было грустно. Она хотела бы, чтобы кто-то и для нее сложил такие же прекрасные строки. Предслава сказала ей однажды: эти стихи кажутся такими красивыми только потому, что Ингигерд и Олав конунг расстались и никогда не были вместе. И что она, Предслава, предпочтет судьбу поспокойнее, пусть и без стихов. Елисава соглашалась с ней, но... Несчастливая любовь Ингигерд и Олава вошла в предания, и даже сотни лет спустя люди будут во время зимних праздников, сидя вокруг очага, слушать рассказ о ней из уст умелого сказителя и вздыхать тайком. Разве оно того не стоит?

Здесь, в Киеве, где все прочнее утверждались обычаи Византии, знатные девушки не могли жить так, как жила дочь шведского конунга, но дочерям княгини Ингигерды досталось в наследство немало из ее свободы. Боярыни пристально следили за княжной, рядом с которой шли Бьёрн и Альмунд, а за ними еще Торлейв и Эйнар по прозвищу Жердина, их молодые товарищи, но Елисава не обращала на них внимания. Ей ведь уже двадцать один год, и она вполне способна обойтись без нянек!

А охранять ее очень даже стоило. Высокая, крепкая, со стройной фигурой, она будто излучала жизненную силу. В наследство от бабки Астрид Елисаве достались густые темно-рыжие, как потемневшая медь, волосы, красиво оттенявшие белую кожу без веснушек, и серо-голубые глаза в их обрамлении казались еще ярче. Правильные, изящные черты лица, черные густые брови, яркие розовые губы вызывали бы восхищение, родись она хоть в семье самого бедного из подольских рыбаков. Она рано сформировалась и похорошела, и по достижении дочерью тринадцати-четырнадцати Ярослав уже мог бы подыскать ей мужа. Но за прошедшие годы ее красота не только не поблекла, а еще ярче расцвела, налилась силой и привлекала даже больше, чем хрупкая прелесть едва созревшей

юной девушки. Этой жизненной силой Елисава была полна до краев и, казалось, каждым взглядом, словом, движением расплескивала ее вокруг себя, щедро делясь со всеми окружающими. Неудивительно, что кмети Ярославовой дружины, имевшие счастливую возможность видеть княжну каждый день, мечтали о ней днем и видели во сне ночью. Белолицая, румяная, русоволосая Предслава и даже младшая, Прямислава, обладательница прелестного правильного личика и золотой косы длиной почти до колен — забота и гордость нянек, — тоже не были обижены вниманием, но стоило Елисаве показаться на крыльце княжьего терема, как десяток свободных от дозоров и иных занятий кметей и гридей устремлялись к ней с вопросом, не желает ли она что-нибудь поручить и не позволит ли проводить ее.

К воинам отцовской дружины — и к северным хирдманам, и к славянским кметям — Елисава относилась дружелюбно, унаследовав эту привычку от матери. Ведь эти люди были вокруг нее всегда, с самого рождения, и она привыкла к ним почти так же, как к своим нянькам и прислужницам. «Мои игрушки» и «наша дружина» с самого младенчества были для Елисавы одинаково знакомыми понятиями. «Вот это — наши стены!» — говорила ей мать, показывая на мужчин с мечами. Они всегда находились где-то рядом: стояли в сенях, сидели в гриднице, толпились во дворе, сопровождали во время прогулок и поездок. Отделяли от толпы, грязноватой, блекло одетой, крикливой, зачастую — недобро настроенной. Делали ее, Ярославну, тем, кем она была, создавали ее отличие от босоногих девок, одетых в единственную рубашку. Иной раз они тоже сердились, кричали, чего-то требовали от отца, буянили на пирах, дрались между собой и казались опасными, но потом всегда успокаивались. Князья были нужны им не меньше, чем они были нужны князьям, и Елисава знала: как она видит в них свою защиту и опору, так

и они видят в ней источник своего благополучия. Подрастая, княжна чуть-чуть заигрывала с ними, пробовала на них свое искусство быть женщиной и понимала, что для этих парней, которым едва ли когда-нибудь случится завести семью, она — прекрасная дева из сказаний, царская дочь в башмачках из чистого золота, недостижимая мечта, скрашивающая порой скучноватую жизнь.

Ей было известно, что в действительности жизнь удалых молодцев с роскошными воинскими поясами далеко не так красива, как в хвалебных песнях или сказаниях. Выбитые зубы, негнущиеся пальцы, скособоченные носы, уродливые шрамы, опухшие от пива и браги лица, незаживающая язва на тыльной стороне левой кисти — от щита. А еще — стойкий запах дружинного дома, обиталища множества одиноких мужчин; их словечки, которых Елисава якобы не знала, и байки о невероятных приключениях и великих подвигах; ссоры из-за женщин и клятвы верности друг другу до последнего, до тех четырех локтей земли, где их в конце концов зароят — как правило, очень далеко от тех мест, где они родились. Иногда кто-то из них погибал. Появлялись новые — молодые неумелые парни. Иные из них тоже погибали, не успев ничему научиться. А если кто-то вспоминал о том, что было двадцать лет назад, на него смотрели как на внезапно проснувшуюся вещь вёльву. Некоторые из воинов знали, казалось, всего три-четыре слова, и то бранных, но вполне обходились ими; другие, пообтесавшись при дворах разных государей, побывавшие за далекими морями, в странах, о которых только в Библии и сказано, могли удивить обширностью знаний и красноречием. Одни происходили из знатных воинских родов, другие, родившиеся после посещения княжьей дружиной какого-нибудь погоста или села, вообще не знали отца и были в семилетнем возрасте отправлены в дружину, которая и поспособствовала их появлению на свет. С десяток таких мальчишек вечно носилось с дикими

воплями по двору перед дружинным домом, размахивая деревянными мечами, а пара бывалых дядек присматривала за ними, вспоминая меж собой дела далекой молодости.

— Ты сам хотел говорить с князем или тебя попросил Ульв? — осведомилась Елисава, обращаясь к Бьёрну.

— Я его еще не видел, — ответил варяг. — Мне самому весьма любопытно, как конунг принял то, что услышал вчера.

— Нам ведь известно, каким способом здесь расправляются с наемниками, которые забывают свое место, — добавил Альмунд. — И я не желал бы однажды проснуться с перерезанным горлом.

— Тебе это не грозит, с перерезанным горлом *не просыпаются!* — хмыкнул Эйнар. — То есть просыпаются уже в Валгалле.

— Это было давным-давно. — Елисава нахмурилась, недовольная намеком варяга. — И мой отец в том не виноват.

— Но ты забываешь... или ты не знаешь, что я при этом был?

— Вот как! — Изумленно раскрыв глаза, Елисава остановилась и повернулась к Альмунду. — Был?

— А ты не замечала, что я уже достаточно старый? — Варяг улыбнулся и провел широкой мозолистой ладонью по своим светлым, начавшим сесть волосам. — Да, тогда я был четырнадцатилетним мальчишкой. Я приехал из Рогаланда вместе с моим родичем, братом матери, Хрингом сыном Сварта. Он потом погиб на Днепре, следующей же зимой, когда твой отец, Ярислейв конунг, в первый раз разбил своего брата Святополка. В тот день в Хольмгарде мы с Хрингом ходили навестить одного торгового человека и не попали в эту бойню. Успели как раз к тому, когда начали выносить трупы. Я хорошо помню, как по этому проклятому Фариманнову двору текли целые ручьи крови, смешиваясь с растоптанным навозом и соломой. Твой отец сильно разгневался, но сделал вид, будто

проглотил обиду, а потом уехал в свой борг, тот, где раньше, как сказывают, жил Хрёрек конунг. И туда пригласил хольмгардскую знать. Иные говорят, что гостей было больше тысячи, но это ерунда — столько там просто не поместилось бы. Знатных хольмгардских хёвдингов было человек сорок. А тысячи собрались, когда головы этих сорока были выставлены на стене! Правда, очень скоро твоему отцу пришлось пожалеть о том, что он сделал. Но я и те, кто тогда был при нем, хорошо запомнили, что с князем нужно быть... осторожными.

Елисава невольно взяла его за руку, но тут же, опомнившись, отпустила. Среди самых страшных семейных преданий, которые им поведали старые челядинцы, был рассказ о бойне на Фариманновом дворе, где разгневанные новгородцы перебили разом несколько сотен варягов, приведенных Ярославом для борьбы с отцом, князем Владимиром. Войне между отцом и сыном помешала смерть отца. Ярослав успел отомстить новгородцам за гибель своих наемников, нужных ему тогда, как воздух. Но тут же перед ним встала необходимость сражаться со сводными братьями за опустевший престол, и ему пришлось идти на поклон к своим врагам-новгородцам. Это было почти тридцать лет назад, еще до того, как Ярослав женился на их матери. И Елисава не знала, что все это время рядом с ней находится живой, к счастью, свидетель давнего кровавого ужаса.

— Мы надеемся, что Ярислейв конунг мудр и не станет таким путем избавляться от людей, которые могут ему пригодиться! — заметил Торлейв.

— А живые мы ему полезнее, чем мертвые! — назидательно добавил Эйнар Жердина.

Жердиной его прозвали за высокий рост, длинные руки и ноги, а также худощавость, при которой он, однако, был очень силен. С продолговатым лицом, высоким и широким лбом, узкими, как у многих шведов, глубоко посаженными, водянисто-серыми глазами, Эйнар не был красавцем,

но Елисава знала, что Благина, внучка тысяцкого Бранемира Ведиславича, тихо умирает от любви к нему. О чем сам Эйнар совершенно не догадывался. Хотя если бы догадался и приложил известные усилия, то близкое родство с боярином-тысяцким сослужило бы ему неплохую службу.

— Ульв давно говорит, что плата, которую он получает, слишком мала и недостойна его знатного рода! — продолжал Бьёрн. — Он всегда считал, что при его родстве с вами ему было бы приличнее самому править какой-нибудь областью страны и посылать дань конунгу.

— Если бы он был полюбезнее со мной и я могла бы считать его своим другом, то, выйдя замуж, взяла бы его с собой в страну моего мужа и поставила бы управлять тем городом, который получу в свадебный дар! — ответила Елисава. Отец Ульва, Рёгнвальд ярл, таким точно образом стал управлять Ладогой, которую его двоюродная сестра Ингигерд получила от Ярослава, выходя за него замуж. — Но Ульв не слишком-то стремится со мной дружить.

— Возьми меня! — Эйнар ухмыльнулся. — Я готов принести тебе любые доказательства дружбы.

— Тогда я прикажу тебе жениться! — Елисава улыбнулась, но не стала оглядываться на Благину, которая шла чуть позади, изнывая от счастья и смущения.

— На тебе? — тихо, почти не разжимая губ, спросил Эйнар.

— Не глупи, — шепнула в ответ Елисава. — Для этого мне надо самой стать правительницей какой-нибудь страны.

— Что тебе мешает?

— Эту страну сначала придется завоевать для меня. У моего отца и так слишком много... то есть *достаточно* много сыновей!

Сказать, что у нее «слишком много» братьев, Елисава не могла. Шестеро сыновей Ярослава от Ингигерды воплощали силу, крепость и удачливость рода.

— Я найду тебе жену, — продолжила княжна. — Но тебе, во-первых, прежде нужно креститься...

— А ты будешь моей крестной матерью?

— А во-вторых, повиноваться моему выбору.

— Я согласен, если она будет похожа на тебя.

— Этого я не обещаю. Но если ты будешь меня слушаться, то я добуду тебе жену молодую, знатную и с богатым приданым. И ты будешь жить не хуже Ульва.

Пожалуй, такие разговоры идущие позади них боярыни посчитали бы слишком смелыми и рискованными для девушки, но они, к счастью, ничего не понимали. А сама Елисава привыкла быть среди мужчин — братья, их товарищи, дружина всегда были вокруг нее, — как привыкла к тому, что ее никто не обидит и ее достоинство защищено достаточно надежно. В детстве она обожала «Сагу о Хервёр» и часто, отобрав у кого-нибудь из младших братьев деревянный меч, яростно рубила крапиву под тыном, изображая древнюю воительницу. Повзрослев немного, Елисава поняла, что те героические времена прошли и в нынешней жизни воительницам места нет, но поговорить с кметями и хирдманами всегда было гораздо интереснее, чем с челядинками и даже боярынями. Что они видели, кроме усадеб отца и своих мужей, что помнят, кроме собственной свадьбы, что знают, кроме способов квасить капусту?

Вон Завиша, жена сотника Радилы, и Вевея, Мануйлова боярыня, идут сзади и беседуют.

— Ты чего, матушка, вчера подельвала? — спрашивает Завиша, невысокая, с широкими бедрами, раздавшимися после рождения троих детей, но неизменно оживленная и бодрая.

— Блины жарила, — зевая, отвечает Вевея, чье крестильное имя близкие давно уже переделали в Невею. Рослая, тощая, как щепка, с вытянутым лицом, крупным носом и в придачу не имеющая детей, она и правда напоминала бы лихорадку-Невею, если бы не вполне

безобидный нрав, в котором самыми большими недостатками были лень и болтливость.

— Куда?

— Не куда, а блины жарила.

— А ты умеешь блины жарить? — не поверила Завиша, прекрасно зная, что Невея по доброй воле за полезное дело не возьмется.

— Я не только умею, я лучше всех блины жарю!

— Я бы не сказала, что лучше всех.

— Если ты себя имеешь в виду, то забудь. А я блины жарю еще с таких вот лет! — Невея показала на девчонку лет тринадцати, глазевшую на разодетых знатных женщин.

— Да ты вообще не умеешь! — Завиша недоверчиво махнула рукой. — Придуриваешься только.

— А вы состязание устройте, — посоветовала им Елисава, обернувшись, а потом с лукавой насмешкой глянула на Эйнара. — Да, кстати, а ты-то почему не бунтуешь и не требуешь больше денег? Я думала, под стяг Ульва теперь встанут все свеи.

— Во-первых, счастье видеть тебя я оцениваю в серебряный эйрир. В день, — уточнил Эйнар, подражая ее мнимо-деловитой манере вести беседу. — А во-вторых... Я всего четыре года как уехал из дому и хорошо помню все то, что там осталось. Я, ты знаешь, не слишком знатного рода, и с конунгами мое родство не ближе Аска и Эмблы...

— Теперь это называется — Адам и Ева! — с умным видом поправил Торлейв, который на самом деле очень смутно представлял себе разницу.

— Богатым моего отца никто не назовет, а сыновей у него семеро. Я — предпоследний, и мать едва отмолила, чтобы нас с младшим братом не унесли в лес¹. Видела бы меня сейчас моя мать!

¹ Древний способ, которым неимущие скандинавы избавлялись от «лишних» детей.

Эйнар гордо выпрямился и положил руки на пояс, украшенный рядом серебряных бляшек, означавших неплохое положение в дружине. К счастью, княжья дочь не видела, в какой одежде он ушел из дому наниматься на свой первый торговый корабль, идущий из Смалёнда на Готланд и далее в Новгород. Какие драные башмаки на нем были, какой потрепанный и короткий плащ, каким дрянным перекрученным ремешком он тогда подпоясывался! Теперь же он щеголял в рубахе из тонкой синей шерсти, в плаще с блестящей шелковой отделкой и серебряной застежкой, в хороших башмаках. А еще Эйнар гордился очень дорогим франкским мечом с узорной бронзовой рукоятью — свидетельством удачных походов.

— Вот за это можно купить весь хутор моего отца! — воскликнул Эйнар, показывая серебряное обручье у себя на запястье. — А ведь я ушел из дому, потому что там меня ждали только тяжелая работа и житье впроголодь! У отца было восемь коров, и только один из нас, Стейн, самый старший, мог жениться. Из нас шестерых четверо до сих пор работают на Стейна, а мы с Льотом отправились искать счастья за морями. Через год он погиб в Бретланде, — добавил Эйнар чуть погодя. — А я вот где. — Он развел руками, словно показывая площадь в стольном городе Киеве, где он стоял рядом с красавицей Елисавой, княжьей дочерью, которая внимательно слушала варяга. И правда, его история была похожа на волшебную сказку. — Мне сильно повезло, — продолжал Эйнар. — И было бы глупо жаловаться и воображать себя несчастным! Здесь у меня есть хорошая одежда, теплый дом и обильная еда, заметьте, три раза в день! И я могу разбогатеть еще больше, если буду храбр, а мой вождь — удачлив. Твоему отцу, Эллисив, не повезло с прошлогодним греческим походом, но ведь впереди новое лето.

— Он умный парень! В Греции это называется — философ! — Бьёрн усмехнулся и хотел дружески погладить

Эйнара по голове, но не дотянулся и просто похлопал его по плечу.

А волосы у Эйнара были очень красивые, что отчасти объясняло безумие бедной Благины: чуть выющиеся, совсем светлые на концах и немного темные у корней, они отливали серебром и рассыпались по плечам мягкими волнами. Елисава улыбнулась, глядя на эти кудри: она вспомнила, что рассказывал в Ярославовой гриднице один купец из англов. Даже взыскательных британских дам викинги покоряли такими «недозволенными» приемами, как чистые рубахи и частое мытье волос!

— Но если серьезно, то сей Фрейр копий¹ сказал очень умную вещь! — заявил Бьёрн. — Ульв и все, кто с ним, просто забыли, от чего они уехали. Увидев здесь княжескую роскошь, красивые вещи, привезенные со всего мира, они начинают думать, что и сами должны все это иметь. Они уже позабыли, как жили в домах с земляным полом, без окон, с очагом из камней и спальными помостами. Забыли, как ели хлеб из сосновой коры, селедку с овсянкой, а зимой — вяленое мясо, такое жесткое, что об него стираются зубы. Когда эти дренги приезжают сюда, то грид киевского князя кажется им чертогом Асгарда. Но к хорошему привыкаешь на удивление быстро...

Они не заметили, как вышли на маленькую площадь внутри киевского детинца, которая называлась Бабин Торжок. От торга осталось одно название — его давно уже перенесли за пределы старого и тесного Владимирова города, зато посреди площади гордо высились «корсунские идолы», как их звал народ, — отлитая из бронзы четверка коней и две женщины, точь-в-точь как живые, но тоже из бронзы. Куда там старым славянским капам с их грубо вытесанными лицами, которых можно было отличить друг от друга только по особым знакам — ярге или Перунову

¹ Фрейр копий — кеннинг мужчины.

кресту! Эти диковинные фигуры князь Владимир, дед Елисавы, привез из греческого города Корсуня вместе со своей византийской женой, царевной Анной.

Здесь стояла Десятинная церковь в честь Успения Богородицы, построенная тем же Владимиром — многокупольный храм, с трех сторон окруженный гульбищами. Выстроенный из розоватого кирпича, он ярким пятном выделялся на фоне выбеленных известью истобок простых киевлян и бросался в глаза издалека. На украшение церкви пошли иконы, кресты и сосуды, привезенные из того же Корсуня; стены были расписаны фресками работы греческих мастеров. Новоявленные христиане содрогались, различив в полутьме, при дрожащем пламени свечей огромные темные глаза святого, смотрящие со стены прямо в душу. Узоры, выложенные из маленьких кусочков разноцветного стекла, так западали в сердце, что иные киевлянки потом вышивали их на своих нарядных верхних. Изнутри церковь тоже была отделана мрамором, из-за чего ее гордо называли «мораморьяной». При чем в сознании некоторых темных киевлян это слово связывалось с Морой, Марой и Мареной — древней богиней смерти, и они считали, что «морамор» — это особый, посвященный ей, камень.

Но не только за роскошь княжья семья почитала эту церковь. Князь Владимир повелел, чтобы она служила родовой усыпальницей. И хотя несколько лет назад между Десятинной церковью и княжьем двором появился новый собор Святой Софии, гораздо больше и роскошнее, старая церковь по-прежнему была наиболее любима Ярославом и к ежедневным службам домочадцы ходили именно сюда. Вдоль стен здесь стояли большие мраморные кресты с вырезанными именами погребенных и годами смерти от сотворения мира: «Малфрида 6508», «Рогнеда 6508», «Изяслав 6509», «Владимир 6523», «Анна 6519», «Ольга 6477»... Прах Рогнеды, первой

Владимировой княгини, и их старшего сына Изяслава шесть или семь лет спустя после смерти по приказу Владимира был перевезен сюда из Полотеска, в котором они оба жили. При виде унаследованного от бабки собственного имени на могильном кресте Елисава каждый раз безотчетно крестилась.

У самых дверей их нагнала запыхавшаяся княжна Прямислава со своей нянькой и подружкой-боярышней. Младшая Ярославна любила наряжаться и в любой будний день украшала себя шелковыми лентами и жемчужными привесками очелья. В свои двенадцать лет она уже считалась невестой, и никто не удивился бы, если бы ее обручили. И меньше всех она сама, поскольку ожидала появления жениха со дня на день.

Елисава бросила взгляд вдоль улицы и поняла, что родителям, очевидно, сегодня не до благочестия. Колокол звякнул в последний раз и затих. Княжья дочь вошла в церковь, и вся толпа мужчин и женщин потянулась за ней.

Глава 2

Во время службы Елисава старательно гнала от себя все мирские мысли, но получалось плохо. Господь так неравномерно распределил богатство и бедность, что дьяволу легко ловить человеческие души! Конечно, после какого-нибудь захудалого хутора Киев кажется тридевятым царством с молочной рекой — вот и хотят зачерпнуть побольше. Надо же, а Эйнара, оказывается, в детстве чуть не унесли в лес — было бы жаль. И сколько в дружине еще таких, которые ушли из дому от голода и холода, а теперь мечтают вернуться и за один браслет с руки купить всех тех, кто над ними раньше смеялся. И как досадно, что прошлым летом братец Володьша сходил на греков так неудачно! Отец теперь не расплатится с сиротами и вдовами. Надо их подкармливать, а то они начнут умирать от голода прямо на улицах, вблизи княжьего двора, и кто тогда захочет идти с Ярославом в новые походы? Но после неудачного похода откуда взять денег для Ульва, которому не терпится разбогатеть? На месте отца Елисава послала бы этого нового Сигурда искать себе Фафнира с сокровищами — где-нибудь в чудских лесах...

Когда они выходили из церкви, она заметила самого Ульва на краю площади, в окружении нескольких его людей. Стоял он, между прочим, перед воротами собственного двора с роскошными палатами, нижний ярус которых был выстроен из камня, а верхний — из дерева, с настоящими круглыми стеклышками в частом переплете рамы. И этот человек посмел жаловаться на бедность! Хмурый,

помятый после вчерашнего, Ульв, однако, был нарядно одет и держался гордо и вызывающе. Похоже, все происшедшее он прекрасно помнил и нарочно выбрался на площадь, дабы показать людям, что не намерен отступать от своих слов.

Поймав взгляд Елисавы, мятежный ярл угрюмо поклонился. Она остановилась, и ему пришлось подойти к ней.

— Так ты, родич, значит, считаешь, что у моего отца недостаточно взрослых сыновей и ему не обойтись без твоей помощи в управлении страной? — сурово спросила Елисава, едва заметным кивком ответив на его приветствие. — Боюсь, скорее он посчитает, что у него на службе *слишком* много храбрых воинов и они ему чересчур дорого обходятся.

— Если так, то я уйду на восток и там завоюю себе какую-нибудь страну! — надменно ответил Ульв. — И сам стану конунгом где-нибудь в Стране Сарацин!

— Лучше уж сразу в Миклагарде! — хихикнула Прямыслава, которая, несмотря на юные годы, без смущения влезала во взрослые разговоры. Бойкая и сообразительная, она уже умела читать и писать и в этом искусстве легко посрамила бы любого из старших братьев, кроме разве Севушки, который в свои четырнадцать легко читал не только по-славянски, но и по-гречески.

— Отчего же нет? — Ульв ухмыльнулся. — То, что мог один, сможет и другой. Ведь Харальд сын Сигурда, как говорят, чуть было не стал конунгом в Миклагарде!

— Откуда такая нелепость? — удивилась Елисава.

— Может быть, тебе это и покажется нелепостью, — опять ухмыльнулся Ульв, — но другим — вряд ли. Сама императрица Зоэ хотела выйти за него замуж, а эта женщина с легкостью сделает своего мужа императором!

Бьёрн толкнул Ульва в бок, но тот был даже рад поквитаться с гордой княжной за ту суровость, с какой она с ним говорила.

— Именно ты и говоришь нелепость! — с досадой воскликнула Елисава. — У нее же есть муж!

— Сегодня есть, завтра нет! — Ульв пожал плечами. — Одним мужем больше, одним меньше, для нее это не сложно. Будь я на месте Харальда, я бы к ней близко не подошел. Уж слишком просто такие женщины избавляются от мужей! Она что ядовитая змея: ее дыханием можно отравиться! Но Харальд — смелый человек! Кто знает, какое решение он примет?

— Все это сплетни, и тебе, как мужчине, не годится их повторять! — гневно отозвалась Елисава. Прямыслава хихикнула: она знала, почему эти «сплетни» так сильно задели старшую сестру. — Сколько лет этой Зоэ? Она старуха! Харальд годится ей в сыновья! Если не во внуки! Что у них общего?

— Ну, возможно, все это и неправда! — с нарочитым миролюбием согласился Ульв, не обращая внимания на чувствительные тычки, которыми его награждали с обеих сторон Бьёрн и Эйнар. — Даже, скорее всего, ложь. Ведь не мог же он свататься сразу к двум! Я имею в виду, он же сватался к племяннице императрицы, а значит, не мог хотеть жениться на ней самой! Зачем ему старуха, когда рядом есть молодая, красивая девушка такого же знатного рода!

— Что ты несешь? — Елисава с трудом сдерживалась, чувствуя, как у нее горят щеки. — У Зоэ нет никакой племянницы!

— Есть, и ее зовут Мария! Харальд сватался к ней, но ему отказали, потому что Зоэ хотела приберечь его для себя! А может, посчитала его род недостаточно знатным!

Елисаве захотелось придушить Ульва собственными руками. Похоже, он просто счастлив пересказывать эти сплетни, лишь бы досадить ей!

— Видно, Харальд сам постарался, чтобы не упустить и тетку, и племянницу! — Прямыслава опять хихикнула. — Он такой!

— Откуда ты можешь знать, какой он! — в негодовании набросилась на нее Елисава. — Ну откуда тебе это известно? Ты даже лица его не помнишь! Он уехал, когда мне было десять лет, а тебе — всего год от роду! Да подойди он к нам сейчас, ты не узнала бы его! А берешься судить, что он упустит, а чего не упустит!

— Как будто ты сама его узнаешь, если он сейчас подойдет! — не осталась в долгу Прямыслава.

Елисава не ответила. Она глубоко дышала, стараясь успокоиться. Причина ее волнения таилась в далеком прошлом. Все началось одиннадцать лет назад — это больше, чем половина всей ее жизни. Она не помнила, как впервые увидела Харальда, единоутробного брата норвежского конунга Олава, тогда уже покойного. В тот год, когда Харальд появился в Киеве, ей было всего семь лет. Ему тогда исполнилось пятнадцать, но за плечами у него уже было несколько военных походов, недолгая, закончившаяся неудачей борьба за власть в Норвегии, проигранная битва, после которой он, раненый, почти в одиночку пробирался глухими лесами, не зная, где найти приют и помощь. Многих сломили бы такие неудачи на самой заре взрослой жизни, но Харальд держался, как подобает мужчине из рода конунгов. Во время своих мытарств он даже сложил стихи, не больно-то искусные с точки зрения опытных скальдов, но полные незаурядной силы духа:

Вот плетусь из леса
В лес — немного чести! —
Как знать, не найдет ли
И нас в свой час слава¹.

Князь Ярослав оценил его силу духа. Он догадывался, что этот одинокий и обездоленный отпрыск королевского рода еще поднимется на вершины власти и могущества. Его ждала высокая и славная судьба, которой не могла по-

¹ Стихи Харальда в переводе О. А. Смирницкой.

мешать первая неудача. Как говорят в Северных Странах, лучше начать с поражения, чем им закончить жизнь.

В Киеве Харальда приняли хорошо. Уже сложился обычай, согласно которому пострадавшие в борьбе за власть князья и конунги находили прибежище и помощь по другую сторону Варяжского моря. Сам Владимир Святославич был не старше Харальда, когда вот так же бежал за море от братьев-соперников и получил там поддержку для дальнейшей борьбы. Норвежский конунг Олав сын Трюггви двенадцатилетним мальчиком был выкуплен из рабства женой князя Владимира и нашел у нее приют. Войска Олава Шведского помогли князю Ярославу одержать победу, а потом сам он, уже будучи могущественным киевским князем, принимал у себя Олава Норвежского, младшим братом которому приходился Харальд. Харальда чествовали на пирах, а затем князь Ярослав взял его в дружину, дал ему дом, людей и содержание, достойное его рода. Три года Харальд возглавлял походы на всех тогдашних врагов Руси, от чуди до печенегов. Рослый, сильный, хорошо сложенный, он имел боевой опыт, редкий для столь юного возраста, отличался отвагой и упорством, но при этом обладал здравым рассудком и хорошо понимал, когда следует бросаться вперед, а когда благоразумнее отступить. Его уважали, и он во всем стоял наравне с Ульвом. Тот был старше лет на пятнадцать, но королевское происхождение Харальда возмещало недостаток возраста и опыта.

На Елисаву Харальд тогда произвел большое впечатление — в ее глазах он был совсем взрослым мужчиной, воплощением силы, отваги и доблести.

— Когда Харальд станет конунгом, я выйду за него замуж! — заявила Елисава матери. Она понимала, что ей еще нужно подрасти, но ведь и Харальд пока не конунг.

Княгиня Ингигерда не стала с ней спорить. Заявленные девочки было вовсе не таким уж глупым в сравнении

с подобными мыслями малолетних «невест». Знатностью рода Харальд не уступал дочери киевского князя. Сама Ингигерда своим браком связала Русь и Швецию и поэтому не видела ничего невозможного в том, чтобы ее дочери сделали то же самое. Княжеские дочери, собственно говоря, для того и появляются на свет.

Конечно, между собой «жених» и «невеста» почти не общались и за три года едва ли обменялись хоть одним словом: у восемнадцатилетнего юноши не могло быть ничего общего с десятилетней девочкой, его привлекали взрослые девушки. Елисава видела Харальда только издали, и ей даже в голову не приходило, что очень многие молодые девицы — как попроще, так и познатнее — знакомы с ее «нареченным» гораздо ближе.

Елисава ничуть не удивилась, когда на исходе третьего года своего пребывания в Киеве Харальд посватался к ней. Разговор велся, разумеется, с ее родителями, а она узнала о нем от Буденихи, своей бывшей кормилицы. Нянька причитала, словно стряслась невесть какая беда, а Елисава встретила новость с гордым удовлетворением.

— Ведь он будет конунгом! — сказала она. А будущий конунг был как раз для нее.

— Повезут тебя за море, земляничка ты моя сладкая! — горевала нянька. — Варяги там одни, леший их заешь! Изведут тебя там лихие люди, жемчужинка ты наша скатная!

— Не плачь, я и тебя с собой возьму! — утешала ее юная невеста. Поездка на родину матери ничуть ее не пугала, к тому же она владела северным языком не хуже, чем славянским. — И Калинку возьмем, и Ветлянку, пожалуй, тоже. А матушка будет к нам в гости ездить и смотреть, хорошо ли мы проживаем. А меня там будут звать Эллисив дроттнинг! Это значит — княгиня Эллисив!

— И я тоже, я тоже буду княгиней! — кричала восьмилетняя Предслава, в восторге прыгая на лежанке и подкидывая пуховую подушку под низкий потолок, отчего та сра-

Літературно-художнє видання

Серія «Кохання крізь століття»

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета

Скарб Гаральда

(російською мовою)

Роман

Головний редактор *С. І. Мозгова*

Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губська*

Художній редактор *А. О. Попова*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 30.01.2020. Формат 84x108/32.

Друк офсетний. Гарнітура «Literatyma». Ум. друк. арк. 21,84.

Наклад 3600 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Любовь сквозь века»

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета

Сокровище Харальда

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*

Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *С. М. Губская*

Художественный редактор *А. О. Попова*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 30.01.2020. Формат 84x108/32.

Печать офсетная. Гарнитура «Literatyma». Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 3600 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24, E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Трое достойных чоловіків, представників шляхетних європейських родів, домагаються руки й серця старшої дочки великого князя Київської Русі. Кого з них обере красуня й розумниця Єлисава: німецького герцога, молодого володаря Норвегії або ж не передбачуваного в учинках звитяжного воїна Гаральда — короля вікінгів і вікінга серед королів?

Дворецкая Е.

Д24 Сокровище Харальда : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 416 с. — (Серия «Любовь сквозь века», ISBN 978-617-12-5600-2)

ISBN 978-617-12-7654-3

Трое достойных мужчин, представителей знатных европейских родов, добиваются руки и сердца старшей дочери великого князя Киевской Руси. Кого из них выберет красавица и умница Елисава: немецкого герцога, молодого властителя Норвегии или непредсказуемого в поступках отважного воина Харальда — короля викингов и викинга среди королей?

УДК 821.161.1